

Russian Foreign Policy in the Twenty-First Century and the Shadow of the Past / Edited by Robert Legvold. N. Y.: Columbia Univ. Press, 2007. x + 534 p.

Российская внешняя политика — популярный предмет исследования, однако книги, подобной этой, не было очень давно. Декан американской русологии, профессор Колумбийского университета Роберт Легволд, долгое время возглавлявший Гарримановский институт — ведущий центр изучения нашей страны, собрал превосходных специалистов и фактически предложил им — ни много ни мало — разгадать код российской внешней политики. Труд «Российская внешняя политика в XXI веке и тень прошлого», строго говоря, не является историческим исследованием. Это, скорее, попытка осмыслить современность и заглянуть вперед, опираясь на опыт предыдущих поколений. Вспоминается с детства застрявшая в памяти фраза, сказанная знаменитым писателем об одном известном политике: «Он так хорошо знал прошлое, что мог смотреть в настоящее из будущего».

В том конкретном случае писатель ошибся, и очень жестоко: на самом деле политик лишь воображал — но был способен убеждать других, — что знал историю: на самом деле его представления о ней были крайне односторонни. Наследник того политика считал, что контролировать историю важнее, чем знать ее, — и это укрепляло его власть над настоящим. Но и наследнику не было дано увидеть будущее. Тем не менее фраза писателя очень точно расставляет акценты: для того, чтобы осмыслить, где находится и куда движется та или иная страна, нужно проследить траекторию ее развития, определить факторы этого развития и его исторические рамки. Не так давно это казалось не столь важным: история, согласно известному выражению, заканчивалась. Нормативное представля-

лось существеннее исторического. Прошлое отныне существовало лишь затем, чтобы быть навсегда преодоленным.

Последнее десятилетие принесло отрезвление. События минувших дней оказались не только ненужным хламом. Отношение к ним осталось сложным, иногда до крайности противоречивым. В руководящей статье МИД РФ, помещенной на сайте этого ведомства в канун дня дипломатического работника в феврале 2008 года, присутствовали краткие, но емкие характеристики шефов российской дипломатии начиная с дядя Висковатого, поставленного во главе Посольского приказа Иваном Грозным. Лишь один период в долгой истории МИД остался без комментариев: 15 лет от прихода к власти Горбачёва до начала правления Путина.

У американских историков — впрочем, как и у их сегодняшних российских коллег — нет тех препон, которые сковывают чиновников, но их задача не из легких. Роберт Легволд подчеркивает во введении, что происшедшее с Россией за последние четверть века не укладывается в привычные, «нормальные» рамки исторического транзита: слишком многое изменилось сразу, и слишком быстро. Страна в очередной раз оказалась на исторической развилке.

В своей главе профессор Легволд развивает теорию «больших трансформаций» Российского государства — по сути революционных переворотов сверху. Это времена, пишет он, когда обычные вопросы политики — борьба за власть и споры вокруг политического курса — отходят на второй план и главной ставкой оказывается политическая жизнь как таковая. В этих обстоятельствах главное — уже не исход игры, а сами правила,

по которым она ведется, выбор самой игры, то есть характер и структура политической и экономической системы страны (с. 77).

Каждая из трансформаций имела огромное значение для внешней политики России. Иван Грозный, положивший начало «русской традиции» абсолютной власти, создал общество, надежно защищенное от европеизации и подчинения Европе. Пётр Первый, усилив абсолютизм государственной власти, сумел использовать Запад как инструмент военно-бюрократической и экономической модернизации страны и укрепления ее положения в Европе. Россия при нем вошла в Европу, но Европой не стала (с. 83). Примеры экстремальной трансформации, отвергавшей уже и Бога, продемонстрировали Ленин и Сталин.

В противоположность авторитарным модернизаторам, Александр Второй и Горбачёв явили примеры либерального, освободительного по сути реформаторства, богатого достижениями и много обещавшего, но в обоих случаях незавершенного. Наконец, особняком в классификации Легволда стоит Борис Ельцин, главной заслугой которого автор признает слом авторитарной системы.

Легволд отмечает, что в ходе каждой из великих трансформаций россияне задают схожие вопросы: кто мы? где наше место в мире? какова наша роль? В качестве вечного референта при этом постоянно выступает Запад. Более того, россияне склонны даже оставлять за Западом решающее слово: примет он Россию или нет, стóит ли стараться? Если да, то на каких условиях? Подразумевается, что условия России — это «абсолютное равенство» с ведущими державами Запада и их союзами (с. 114). На сегодняшний день — это США, НАТО и Европейский союз.

Это, однако, не все. Россияне воспринимают себя как несправедливо отверженных или как жертву ревнивых соперников и — одновременно — как поставленных самим

Господом Богом в центре некоего универсального мирового проекта. Эти фундаментальные противоречия неизбывны: западники и славянофилы более полутора веков ведут между собой холодную войну. Взгляд со стороны обнаруживает массу неразрешимых противоречий, огромный накал эмоций, которые мешают России выработать общенациональное согласие по вопросам внешней политики и придерживаться ясной стратегической линии во взаимоотношениях с основными контрагентами — США и ЕС; Китаем, Японией и Индией; мусульманским миром и странами СНГ.

Это не новая проблема, замечает Легволд. «Железный канцлер» Горчаков колебался в выборе союзников для России. В конце XIX — начале XX века выбор был наконец сделан, но реализация этого выбора в 1914 году и подтверждение его, несмотря ни на что, весной 1917 года привели к самой страшной катастрофе в истории России. Не внешняя политика была главной причиной, разрушившей Российскую империю, уничтожившей российский капитализм и приведшей российское общество к трагедии колоссального масштаба, но внешнеполитические шаги августа 1914-го и марта 1917-го сыграли роковую роль.

Международные колебания России в период ее внутренних трансформаций, утверждает Легволд, создавали ей репутацию ненадежного партнера на международной арене (с. 127). Он ссылается, в частности, на метания Сталина в 1933—1941 годах, вплоть до того момента, как нападение Гитлера на СССР наконец разрешило его сомнения. Можно отметить, однако, что каковы бы ни были внешнеполитические сомнения Петербурга и Москвы, как союзник Россия вела себя достойно, действуя в интересах коалиционной солидарности иногда даже в ущерб собственным интересам.

Один из главных тезисов Легволда состоит в том, что на внешнюю политику России

необходимо смотреть сквозь призму ее внутреннего развития. Это соображение, однако, не предполагает строгой приверженности автора каким-то детерминистским моделям и тем более активных усилий, направленных на продвижение этих моделей в России. Легволд стоит на позициях Джорджа Кеннана, стремившегося прежде всего понять, куда движется Россия.

На вопрос, закончилась ли очередная великая российская трансформация, профессор Легволд дает ответ: очередной период ломки завершится успешно лишь тогда, когда Россия не только будет стремиться утвердить себя на мировой арене, но и вновь в полной мере осознает себя субъектом, а не объектом истории. Когда она справится с внутренними демонами, порождающими ощущение неуверенности, и сделает осознанный выбор в пользу всесторонней модернизации страны и общества (с. 132–133).

Профессор Мичиганского и Чикагского университетов Роналд Григор Суни сосредотачивается на имперской, точнее, постимперской проблематике. После распада СССР Россия столкнулась с задачей формирования гражданской нации и строительства многонационального федеративного государства. Выдвижение тезиса о России — великой державе не является ответом на поставленный историей вопрос. Дело не в том, будет ли Россия присутствовать в том или ином географическом регионе, а в характере и качестве этого присутствия (с. 66). Провозглашение прагматизма в качестве основы российской внешней политики также не снимает вопроса о ценностях, а тезис о «неизменных национальных интересах» — за пределами всем очевидных вещей вроде обеспечения внешней безопасности, территориальной целостности и благоприятных условий для экономического развития — не выдерживает критического анализа. Это совсем не отвлеченные вопросы в условиях,

когда пространство бывшего Советского Союза стало местом столкновения интересов России и Запада.

Профессор Дэвид Макдональд из Висконсинского университета в Мэдисоне анализирует роль государства в российской внутренней и внешней политике. До сих пор, пишет он, государство являлось доминирующим субъектом. Сам российский капитализм стимулировался и поддерживался государственной властью. Смысл политики крупнейшего российского реформатора начала XX столетия Петра Столыпина состоял в том, чтобы, избегая внешнеполитических осложнений, нарастить силу государства, которое говорило бы одним мощным голосом.

С учетом этого опыта, отмечает Макдональд, расчет на то, что рынок расставит все по своим местам, плохо подходит для России. Для того чтобы заставить граждан жить по закону, стать рациональными, осознать взаимную зависимость участников общественных отношений, по мнению многих в России, требуется не государство-арбитр, а государство — активный игрок. В постсоветской России продолжается традиция государственной власти как абсолютистского цивилизатора (с. 157). Как говорили еще во времена Николая Первого, правительство в России — единственный европеец.

Возникает, однако, проблема: как совместить задачу наращивания ресурсов, которая требует осуществления реформ и высвобождения творческой энергии людей, с потребностью постоянно держать их под контролем (с. 162)? В других странах, таких, как США, рынок увеличивает ресурсы государства, а национализм сплачивает население в поддержку общенациональных интересов на международной арене. Сумеет ли Россия пройти этим путем, пока не ясно. Очевидно другое: реформаторские порывы в России имеют целью не столько повысить благосостояние жителей, сколько укрепить притя-

зания на статус великой державы. При этом альтернативой этому статусу видится распад государства.

На протяжении всей предыдущей истории, считает профессор Макдональд, внутренние факторы развития почти не оказывали влияния на российскую внешнюю политику, не стимулируя, но и не сдерживая ее. В течение трех столетий Россия играла выдающуюся роль в международных делах, несмотря на то, что внутри страны повсеместно сохранялось «варварство». Внутренняя отсталость империи нисколько не мешала ее внешнему блеску и величию. Более того, временами — при Николае Первом и в советский период — Россия добровольно отворачивалась от Европы. Правда, в эти периоды внешняя ориентация имела существенное значение для поиска подходящей модели преобразований. Подобно тому как в начале XX века либералы смотрели на Англию и Францию, а консерваторы на Германию, сто лет спустя часть элиты ориентирована на западные модели (американскую или европейскую), а другая часть на восточные (Китай, Японию, Южную Корею).

Альфред Рибер из Центрально-Европейского университета последовательно разрушает мифы, сложившиеся в отношении российской внешней политики. Имеется в виду геополитический миф о якобы безудержной территориальной экспансии России; «властный» миф, в соответствии с которым внешняя экспансия не только отражает абсолютистский характер режима, но и движима им; идеологический миф о российском мессианстве (православном или коммунистическом) как о ментальном побуждении к действиям (с. 205).

На месте поверженных мифов Рибер выстраивает систему того, что он называет долговременными факторами. Первый из них — это постоянное стремление сравнивать себя с Западом и ощущение собствен-

ной сравнительной отсталости. Правда, как отмечает Рибер, отсталость России никогда не означала ее зависимости от Запада, что имело место во всех других евразийских или азиатских империях, например, Османской (с. 207). Вторым фактором является узви́мость российских границ и необходимость раздвигать их в интересах обеспечения безопасности государства. Это, в свою очередь, вызывало опасения конкурентов (Англия) и соседей (Германия). Третий фактор заключается в многонациональном характере российского государства. Наконец, Россия, живя в географической Европе, отделена от конфессиональной, ценностной Европы, а в последнее время еще и политической (Европейский союз).

Продолжая некоторые темы Рибера, Лоуренс Колдуэлл из Оксидентал-колледж рассуждает о концепциях национальной безопасности России. Он также выступает против обобщений, превратившихся за последние 125 лет в устойчивые стереотипы. Речь идет о стремлении России к теплым морям, к безопасным границам, а также вечный комплекс неполноценности. Колдуэлл также предлагает собственный подход к анализу российской политики в области национальной безопасности. Российской «большой» стратегии свойственна глубина и концентрическое структурирование пространства. Российские руководители искусно пользуются всем набором внешнеполитических аргументов для парирования угроз. Качественное отставание они привыкли компенсировать количественными преимуществами. При необходимости они также способны корректировать свои амбиции, соотнося их с реальными ресурсами и фактическим положением дел. Для российской внешней политики характерно сочетание идеологии (в той или иной форме) с реализмом, причем в конечном счете обычно побеждал прагматизм. Главными факторами

развития и одновременно его ограничителями Колдуэлл видит внутренние условия России. Трудности реформирования страны усугубляются колоссальной мощью элитного и «народного» консерватизма.

Две главы книги посвящены региональным направлениям российской внешней политики — азиатскому и европейскому. Профессор из Принстона Гилберт Розман формулирует три вызова для азиатской политики России: необходимость балансировать свои цели (экономические, геополитические, цивилизационные); разобраться со страновыми приоритетами и, наконец, найти приемлемое сочетание российского национализма, сибирско-дальневосточного локализма и азиатско-тихоокеанского глобализма (с. 343). Ключ к успеху Розман видит в достижении прорыва в отношениях с Японией (с. 384), а также в развитии отношений с США. Глобализирующийся Китай является важным партнером России, но он не должен доминировать в ее азиатской политике. Розман призывает россиян поверить в собственные силы, делать упор на экономику в ее современном понимании, решать проблему изолированности Сибири и Дальнего Востока от соседней Азии. Настало время смело вступать в Азию и шире допускать ее в Россию, заключает он (с. 385).

Профессор Джорджтаунского университета Анджела Стент красноречиво назвала свою главу «Европейцы поневоле». Спустя двадцать лет после начала горбачёвской перестройки Россия не решила, является ли она частью Европы или же лишь ее соседом (с. 393). Старая модель: Россия — европейская держава, но не европейская страна — отчасти сохраняет актуальность (с. 433), хотя державная роль РФ снизилась в условиях становления и расширения ЕС, а развитие рыночных отношений сближает Россию с остальной Европой. Попытки сближения с Европой чередуются с приступами изоляцио-

низма — хотя и в смягченной форме «суверенной демократии» — и угрозами отступления в Азию, что в современных условиях могло бы в действительности означать уход в объятия Китая.

Нынешняя российско-европейская связка, с сожалением отмечает профессор Стент, — преимущественно энергетическая. В будущем возможны как хороший сценарий, в рамках которого расширяющиеся НАТО и ЕС благотворно воздействуют на Россию, так и плохой, подразумевающий новый раскол Европы. На этот раз линия раскола, если он состоится, пройдет значительно восточнее, чем во времена холодной войны. Опасно то, что «евразийская» Россия может в этом случае столкнуться с США (с. 434). Состоится ли подлинно европейская Россия, по мнению Анджелы Стент, не ясно. Окончательный выбор страна еще не сделала.

Селест Уолландер, также из Джорджтаунского университета, завершает коллективное исследование главой о глобальных вызовах для России. Главную проблему Уолландер видит в неудовлетворительном внутреннем состоянии страны. По ее мнению, диктат государства не позволит России быть успешной в глобализирующемся мире. Даже если РФ сможет сдерживать угрозы, справиться с современными вызовами ей будет трудно (с. 491). Участвуя в мировой экономике, но сопротивляясь глубинной интеграции, Россия, по мнению автора, может стать сравнительно процветающей страной и существовать в условиях относительной безопасности, но полностью реализовать свой потенциал ей не удастся (с. 492).

Восемь первоклассных исследователей — восемь глубоко обоснованных, но различных точек зрения. Если что и объединяет их, то это убеждение, что успехи России на международной арене зависят прежде всего от успеха ее внутреннего развития. В отличие

от времен Петра Первого и Сталина, в век глобализации эти успехи не могут быть достигнуты за счет внутренней мобилизации и импорта технологий. Это означает, что традиционная модель России — «сильной» внешне и «слабой» внутри — не может быть воспроизведена. Либо страна найдет ресурсы и волю для перехода на новый уровень, либо

она не только выпадет из числа великих держав — что бы под этим термином ни подразумевалось в XXI веке, — но и утратит свою целостность и самостоятельность, перейдя в иное, еще невиданное состояние. В этом, возможно, и состоит главный урок, осознать который помогает «код Легволда». ■

ДМИТРИЙ ТРЕНИН

Янош Корнай. Силой мысли: Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии. М.: Логос, 2008. 448 с.: ил.

Назвав свою автобиографическую книгу «воспоминаниями об одном интеллектуальном путешествии», Янош Корнай тем самым обозначил ее основное содержание, а вместе с тем, можно сказать, и смысл своего жизненного пути. На его долю выпало немало испытаний: и расставание с родной страной, и возвращение в нее, и перемена убеждений, и предательство друзей... Но пожалуй, главный итог все же в том, что его жизнь была именно интеллектуальным путешествием, с утратами, заблуждениями, тупиками, но и с обретениями, которые принесли ему международное признание в качестве одного из наиболее проницательных исследователей огромного материка под названием «социализм». И хотя тот социализм, который изучал Корнай, на наших глазах стал своего рода Атлантидой, поглощенной океаном времени, интерес к нему отнюдь не ослабевает. Да и можно ли утверждать, что материк социализма совсем исчез с поверхности земного шара? Выжили его отдельные островки, такие, как Куба и Северная Корея. Сохранились либо вновь возникают его близкие родственники наподобие Беларуси и Венесуэлы. Но главное, сложилась его новая живучая разновидность

в виде «китайского социализма». Как бы то ни было, прежний социализм так или иначе присутствует в настоящем, проникая в процессы социальных перемен, которые на наших глазах происходят на постсоветском пространстве. И современная Россия предстает не антиподом этого, казалось бы, ушедшего в прошлое явления, а скорее наследником некоторых его черт.

Все это говорит о том, что книга Корнай, вышедшая в этом году в переводе на русский язык, — значительное интеллектуальное событие. Она интересна не только как жизнеописание человека, волею судеб оказавшегося на стыке двух враждовавших миров, попеременно жившего то в одном из них, то в другом. Она незаменима и в качестве дополнительного источника к изучению, пониманию и оценке главных научных достижений автора. Тем более что мы, к сожалению, слишком мало успели узнать о социализме, *познать* его механизмы и закономерности, а без этого невозможно понять многое и в нашем настоящем, и в том, что нас ждет.

Путь Корнай в науке начинался с внутреннего неприятия господствовавших в его обществе взглядов, тесно привязанных к так называемой теории научного социализма.

Это привело его к решительному разрыву с официальной наукой, что и стало отправной точкой его «свободного плавания» к неизведанным берегам современной экономической мысли. После того как молодой ученый отверг марксизм, он остался без каких бы то ни было теоретических опор, и это обострило его интеллект, приучило не доверять общепринятым мнениям. Когда же он в результате многолетних исканий «приплыл» наконец в устоявшийся мир западной социальной теории, это был человек, готовый принять все, что соответствовало его собственным размышлениям и научным взглядам, но вместе с тем не боявшийся спорить по любому вопросу с признанными авторитетами западной науки.

Путешествие Корнаи между двумя мирами было не просто переменой мест проживания и университетов, в которых он преподавал. Его исследования расчищали путь двустороннего сообщения между Западом и Востоком. Знакомство с западными концепциями, особенно теми из них, которые стремились вписать опыт социализма в общепринятые теоретические рамки, позволило Корнаи по-новому осмыслить свои представления, подкрепленные знанием социализма изнутри. И напротив, его собственный опыт помог ученому выдвинуть ряд оригинальных концепций социализма, которые вступили во взаимодействие, не всегда мирное, с ранее принятыми на Западе взглядами на это явление. И не только на Западе. Работы Корнаи в 1970–1980-е годы получили широкое признание также в Советском Союзе, а позже в Китае.

Наверное, требует пояснения неоспоримый факт популярности трудов Корнаи в современном Китае (достаточно обратить внимание на количество переизданий его основных трудов на китайском языке). Автор пишет, что во время его поездок в КНР в компании с другими западными учеными аудитория проявляла явно повышенный

интерес к его лекциям. И здесь он, полагаю, ничуть не преувеличивает. Возможно, этот повышенный интерес именно к разработкам Корнаи связан с терминологией и стилистикой мышления, присущим его работам. Труды ученого не лишены математического и иного сугубо теоретического аппарата. Однако феноменология его исследований апеллирует к непосредственному, можно сказать, повседневному знанию людей, живших и – в случае Китая – продолжающих жить в условиях социализма. И когда Корнаи говорит «дефицит» и от этого понятия переходит к исследованию «мягкого бюджетного ограничителя», логика его рассуждений понятна аудитории в Китае попросту на интуитивном уровне.

Однако есть и еще одна, возможно, более глубокая причина его популярности в Китае. Она состоит в том, что, при всей его оппозиционности социалистической системе, Корнаи внутренне сохранял с нею прочные эмоциональные узы. Так, в своей автобиографической книге он не раз подчеркивает неразрывную связь со своей родиной – Венгрией, ее культурой и историей. Столь же решительно он выражает свое нежелание становиться эмигрантом. Даже в самые трудные времена, особенно после событий 1956 года, Корнаи делал все, чтобы, порывая с системой социализма как некой политико-экономической данностью, не порывать связи со своей страной. На этом пути ему не удалось избежать отравленных стрел недоброжелательства, направленных на него со стороны как тех, кто успешно «встроился» в систему, так и тех, кто радикально с ней порвал.

Но коренной научный интерес Корнаи как ученого заключался в том, чтобы *понять* социализм. Эта установка перевешивала все остальные соображения, как не относящиеся к чисто научной задаче. И в его книге подчеркивается: как исследователь он поставил

перед собой *позитивную* задачу изучения социализма впереди задачи его *оценки*, будь то отрицательной или положительной.

Поэтому, когда в 1970-е ученый получил приглашение прочитать лекции в западных университетах, сначала в английском Кембридже, а затем в американском Принстоне, он выстроил свой курс вокруг проблем реального, то есть *реально существующего*, социализма. Это было радикальное переосмысление самого феномена, который в то время воспринимался его критиками, особенно слева, как извращение идеи социализма. Другими словами, в восприятии социализма правила бал идеология. Корнаи предложил совершенно иной подход: он стремился донести до западных слушателей свое знание о социализме как о реальности безотносительно к существующим идеологическим толкованиям, как ниспровергающим, так и апологетическим.

Проследивая на страницах книги перипетии его научного пути, невозможно не остановиться на его высшем достижении, обозначившем пик его научной карьеры. В законченной форме это достижение предстало в монографии «Дефицит», ставшей поистине научным бестселлером (на венгерском языке книга вышла в 1980 году, в русском переводе — в 1990-м). В основу того, что стало ключом к пониманию экономики социализма, Корнаи положил общеизвестный и, можно даже сказать, бытовой факт: отсутствие или нехватка среди предлагаемых благ того, в чем больше всего нуждались как потребители, так и производители. Его заинтересовала очевидная противоположность рыночной экономики и экономики социализма в этом отношении. И до него многие экономисты старались объяснить причины такого несоответствия. В экономической теории даже сложилась терминология для его характеристики: рынок покупателя *versus* рынок продавца. Ошибки планирования, несовпадение

элементов спроса и предложения на отдельных рынках, жесткость цен, казалось, в достаточной степени объясняли «дефицит». Однако Корнаи не был удовлетворен этими трактовками. Его интересовала именно *тотальность* «дефицита». В автобиографии он отмечает, что на теорию дефицита его натолкнули идеи Карла Маркса о постоянстве безработицы при капитализме, а также мысли Джона Мейнарда Кейнса о том, что недостаточность совокупного спроса приводит к экономической депрессии.

К объяснению причин дефицита как *системного* признака социализма Корнаи приходил постепенно. В книге прослеживаются этапы его продвижения по этому пути. Уже в своем раннем труде «Сверхцентрализация управления экономикой» (на венгерском языке вышел в 1956-м) он сформулировал причины, почему в функционировании экономической системы социализма проявляется так называемый *ratchet effect*, который в советской литературе позже получил название «планирование от достигнутого уровня». Руководители социалистических предприятий и объединений разного уровня стремились не раскрывать все резервы роста производства, поскольку знали, что это приведет к их включению в план следующего цикла. Умалчивая о резервах, руководство предприятий тем самым обеспечивало себе некоторый *запас прочности*.

В книге «Дефицит» Корнаи продолжил анализ этого явления, указывая на то обстоятельство, что запас прочности зависит не только от сознательного торможения, но и от накопления на входе в систему самых разных ресурсов в виде сырья и комплектующих на складе. При этом, поскольку никогда не известно, чего именно не будет хватать (в силу сверхцентрализации распределения ресурсов), желательно иметь на складе как можно больше всего, в том числе и того, что можно обменять на недостающие ресурсы

у соседей или как-то приспособить (несовершенные заменители). По мере того, как стремление к накоплению запасов «на входе» распространяется на всю систему экономики социализма, возникает всеобщий дефицит.

Наиболее интересный элемент в логике Корнаи — это выделение производственного, а не потребительского звена при исследовании дефицита. Для западных теоретиков причины этого явления казались очевидными, поскольку централизованное планирование и жесткость цен неизбежно порождают дефицит (так же, как и «неликвид», то есть запасы нераспроданных товаров «на выходе»). Иными словами, данная проблема трактовалась исходя из моделей общего равновесия. Корнаи в своей книге сообщает о своих разногласиях с коллегами из университетского сообщества Запада по этому пункту. Что же именно ученый противопоставил установившейся точке зрения на природу дефицита при социализме? Он обратил внимание на такой известный факт, как наличие *разных денег* при социализме, обслуживающих соответственно производство и потребление, а также на то, что эти разные деньги изолированы друг от друга легальным запретом на их обмен. Следующим шагом в анализе стало наблюдение, что денежные ресурсы предприятий не столь жестко ограничены по объему, как денежные ресурсы домохозяйств. Этот феномен Корнаи назвал «мягким бюджетным ограничителем» для социалистических предприятий, в отличие от «жесткого бюджетного ограничителя» для потребителей — всех тех, кто получает заработную плату или иной доход наличными деньгами.

Государство при социализме готово ослабить финансовые затруднения предприятий (в частности, путем кредитования оборота и фактически бесплатным финансированием инвестиций), не рискуя при этом инфляцией в потребительском секторе. Это *ослабление* (государственный патернализм) ведет к

всеобщему распространению перерасхода ресурсов. Корнаи увидел в этом явлении глубинную причину неэффективности социалистической системы хозяйства.

Стремясь еще более четко очертить природу исследуемого явления, Корнаи пишет, что корень хронического дефицита лежит в инвестиционной сфере: «Те, кто управляет экономикой, и руководители предприятий испытывают неутолимый инвестиционный голод и готовность расширяться, из-за чего на этом рынке спрос всегда превышает ресурсное предложение» (с. 265).

Следует отметить, что позже, в работе «Социалистическая система», Корнаи расширил круг причин, формирующих экономическую систему социализма. В рецензируемой книге он подробно останавливается на тех ограничениях, с которыми вынужден был считаться, оставаясь гражданином социалистического государства и имея возможность как возвращаться в Венгрию, так и выезжать из нее на Запад. Он пишет: «Решение замкнуть цепочку причин дефицита на патернализме вызвало у многих недоумение. Могут отнести это к печальным элементам платы за легальность. Когда обрушились стены самоцензуры, я наконец смог *полностью* изложить ход своих рассуждений относительно мягких бюджетных ограничений в книге “Социалистическая система” в 1992–1993 гг.» (с. 278).

В этом замечании можно увидеть признание того обстоятельства, что в более ранней формулировке проблемы дефицита имеется логическая неувязка. Говоря о дефиците в качестве системного признака социализма, подобном тому, каким является недостаток совокупного спроса при капитализме, Корнаи вместе с тем признаёт, что капитализм выработал инструменты если не устранения, то смягчения этого «системного изъяна». В отношении же социализма он отмечает: «Экономика дефицита — неотъем-

лемый, системный атрибут социалистической системы. Реформы могут смягчить эти проблемы, но ликвидировать их не в состоянии. Вот в чем заключается идея моей книги «Дефицит»» (с. 258). Но если реформы и при капитализме, и при социализме способны смягчить изъяны системного характера, то в чем же тогда причина неизбежного поражения социализма в его экономическом соревновании с капитализмом?

Позже Корнаи, по его собственному признанию, осознал, что мягкий бюджетный ограничитель (МБО), являясь необходимым условием дефицита, объясняет его лишь частично. В числе других условий этого имманентного порока социализма автор называет «запрет на свободное предпринимательство, административные ограничения на конкуренцию с импортом, искажения ценовой системы и т. д.» (с. 278). Иными словами, в трактовке коренного изъяна социализма Корнаи из экономической сферы переходит в политическую. Эти его взгляды получили полное развитие в монографии «Социалистическая система». Позже мы к ней вернемся. Но по времени этой книге предшествовала другая — «Путь к свободной экономике», вышедшая в 1990-м (на русский переведена в том же году). В ней, касаясь последствий МБО, автор говорит о его влиянии на производительность, дух конкуренции и мотивацию. В этих высказываниях ощущается уже проблематика нового времени, в том числе сложные вопросы перехода от социалистической экономики к рыночной. Они и стали центральными для упомянутой книги. Важно отметить, что в ней, предвосхищая круг сложнейших проблем, которые встанут перед странами с господством государственной собственности, Корнаи выступает против «даровой» раздачи собственности, за постепенный процесс приватизации, обеспечивающий переход собственности в руки

тех, кто способен наладить конкурентное производство.

В этом контексте он подвергает переосмыслению и свои взгляды на роль дефицита. На авансцену той проблематики, которой Корнаи посвящает свои научные изыскания, выходит теория «мягкого бюджетного ограничителя». Несмотря на то что в условиях переходной экономики МБО теряет определенность, которую ему придавала специфическая конструкция денежной системы социализма (имеются в виду два контура денежного оборота), сам «синдром мягкого бюджетного ограничителя», по мнению Корнаи, весьма распространен в экономиках переходного типа. Поэтому он заявляет себя решительным противником различных форм смешанной собственности с участием государства: по его мнению, *симуляция* частной собственности и конкурентного поведения лишь прикрывает неистребимо расслабляющее влияние государственного патернализма. Его размышления на эту тему, изложенные, в частности, и в рецензируемой книге, имеют непосредственное отношение к проблемам институциональных реформ в современной России.

Следующим этапом научного пути Корнаи стала уже упомянутая объемистая монография «Социалистическая система» (1992), переведенная на русский язык в 2000 году. Многими читателями она была воспринята как прощание с социализмом, как путеводитель по материку, которого уже нет. Этим объясняется то, что эта книга получила в научной периодике значительно меньший резонанс, чем его монография «Дефицит». Но сам Корнаи иначе расценивает факт сдержанного приема его капитального труда. Он полагает, что причина состоит не в том, что книга опоздала, а, напротив, что она опередила время. И с его мнением можно согласиться. В момент выхода книги «Социалистическая система» и значительно

позже общественность на Западе, как и в России (обратим внимание на запоздавший ее перевод на русский язык), еще не осознала, насколько актуальным станет изучение социализма по мере того, как его история будет отодвигаться в прошлое. Причины этой актуальности, выраженной в растущем интересе ко всему, что было связано с этим еще недавним прошлым, в настоящее время не просто сформулировать. Надо думать, будущее покажет, в каком направлении станет развиваться мировой социальный процесс. И тогда выяснится, служит ли этот растущий интерес проявлением реального вектора общественного развития или же это своего рода фантомная боль, воспоминание о том, чего уже нет, но что продолжает жить в общественном сознании.

Для самого Корнаи значение его монографии о социализме определялось тем обстоятельством, что в ней был намечен новый этап в развитии научных интересов автора. В ней заявлена задача системного подхода к изучению социализма как единого, *внутренне связанного* целого. Более того, автор полагает, что в таком подходе содержится ключ к постановке общих вопросов социальной типологизации. Корнаи отмечает, что он не первый, кто поставил подобного рода задачу, и в качестве своих предшественников называет Карла Маркса, Джозефа Шумпетера и Фридриха Хайека. Каждый из них, по мнению ученого, выработал собственный взгляд на структуру социума (то есть социального целого). Вслед за американским историком науки Томасом Куном (см. его книгу «Структура научных революций», 1962) он определяет такой взгляд как *парадигму* системы. Корнаи, имея в виду Куна, пишет: «Я вместе с ним понимаю парадигму как характерный подход, теорию, методологию, аппарат и способ аргументации, разделяемый или применяемый группой ученых» (с. 351, сноска). Известно, что Кун трактовал развитие

научных воззрений в области естественных наук (в частности, физики) как смену парадигм.

Корнаи устанавливает иерархию внутренних взаимодействий в структуре целостности, именуемой «социализмом». В этой системе взаимодействий он придает особое значение *политической* сфере. «Книга (имеется в виду его монография о социализме. — Ю. К.)... отличается от многочисленных известных работ по сравнительной экономике тем, что исходным пунктом в ней становится не централизованное планирование и не государственная собственность, но самая характерная черта политической сферы — единовластие коммунистической партии» (с. 350). Акцентируя роль «коммунистической партии», Корнаи не обходит вниманием и значение коммунистической идеологии в качестве исходного элемента социальной иерархии социализма. «В “Социалистической системе” я выразил мысль о том, что коммунистическая партия, придя к власти, приступила к осуществлению программы, в которой был заложен отказ от частной собственности и рынка. Последнее сработало как “генетический код”, запустив процесс и управление им» (с. 355).

Мысли, изложенные в книге «Социалистическая система», Корнаи вынашивал долгие годы. Развитые в ряде новых публикаций, они были замечены научной общественностью и привлекли к нему новых последователей. И все же нельзя не признать, что социальная парадигма Корнаи находится пока на начальной стадии научного обоснования. Взаимодействие элементов политики, экономики и идеологии в структуре социальной эволюции нуждается в дальнейшем изучении и уточнении. Об этой необходимости можно судить хотя бы по той неожиданной мутации «генетического кода» (если использовать терминологию Корнаи), которая имела место в Китае.

В последние годы, будучи признанным авторитетом как в международном сообществе экономистов, так и у себя на родине, Янош Корнай выступает в роли умеренного консерватора в своих рекомендациях, касающихся текущей экономической политики. В выборе экономического курса он твердо стоит на почве стабильного роста в условиях

финансового оздоровления и контроля над инфляцией.

Остается пожелать этому удивительному человеку, сохранившему поистине юношескую энергию на избранном им пути социального исследователя, многих лет творческого поиска. ■

ЮРИЙ КОЧЕВРИН